

Это, пожалуй, первый в истории случай, когда пьеса целиком оглашалась в парламенте страны, как важнейший социально-политический документ. Речь идет о пьесе немецкого писателя Петера Вейса «Дознание» («Судебное разбирательство»). Официальное чтение ее было произведено в Народной палате ГДР в память погибших узников Освенцима. Читали артисты театра Берлинер-ансамбль (созданного Б. Брехтом). Сделано это было не для того, чтобы оплакивать и жалеть, а чтобы понять и действовать.

Пьесы П. Вейса — и зрелище нелегкое, и чтение нелегкое, и нам не понять ни автора, ни его произведений, если ничего не знать об этом 50-летнем немецком писателе, враче по профессии, с судьбой надломленной и нелегкой, бежавшем из фашистской Германии и скитавшемся по всему свету. Война кончилась, он живет в Швеции, думает о пережитом, не может мириться с мыслью, что люди так быстро все забыли, живут бездумно и легко. И вот на 41-м году жизни он берется за перо. Сначала пишет прозу — романы, а в 1964 году обнаруживает, что его подлинное призвание — драматургия. Он пишет подряд две пьесы, приносящие ему невероятный успех и мировую известность, — «Марат» и «Дознание». Одна озарена отблеском Великой французской революции, вторая освещена заревом второй мировой войны. Вейс воскресил Освенцим через показ Франкфуртского процесса. И здесь мы скажем, что прием автора — документальный театр, решения его равносильны приговору. Пьесы Вейса, по его собственным словам, основаны «на протоколах, судебных делах, письмах, статисти-

1 программа, 21.45
**БОРЬБА
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ческих отчетов, биржевых бюллетенях, радиорепортажах и газетных статьях, фотографиях и кадрах кинохроники». Вейс клеймит капитализм, «порочивший дельцов, для которых даже постройка газовых камер была не более чем обычным «заказом». Ради этой цели Вейс использует технику черно-белого письма, ради этой цели и написана волнующая «Орагория из одиннадцати песен,

рисующих скорбный путь пленников, обреченных на смерть», под названием «Дознание», которое сам автор характеризует как поэму-протокол или «диалектический монтаж цитат».

Но это отнюдь не монтаж цитат из стенограмм нашумевшего в свое время судебного процесса фашистских палачей Освенцима. Это художественное произведение, прикинутое философскими мыслями. Когда автор, выражаясь словами Маяковского, припадает губами к реке по имени Факт, из-под его пера, как правило, выходит произведение большой социальной силы. Драматическое действие развивается в столкновении вопросов и ответов — все построено на острейшем, ритмически отточенном диалоге. Весь суд автор стремится дознаться до истины, провести процесс лучше, чем он был проведен в действительности. И когда на какие-то острые реплики в одном из театров зрительный зал ответил аплодисментами, один из актеров, подойдя к рампе и отступая от текста, сказал: «Прошу зал не аплодировать, суд идет!»

Телевизионную постановку в Москве осуществляют авторы сценария Эрнст Маркин и Геннадий Павлов с артистами Театра им. Ленинского комсомола. В их варианте в пьесу введен совершенно новый персонаж — обвинитель от Советского Союза: он не только комментирует, обвиняет и называет факты, он то останавливает течение пьесы, то продолжает ее. Эта роль поручена диктору Всесоюзного радио, заслуженному артисту РСФСР Юрию Левитану. Советские режиссеры предлагают назвать свой театр Документально-Политическим.

А. ЕЛЕНИНА

1967 - Кр
"Докторальное"